

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

— А что вы скажете об Алешиной?

— Мне верится, что искренность, органичность будут всегда сопутствовать ей...

(Из разговора с заслуженным деятелем искусств РСФСР, главным режиссером Оренбургского театра имени М. Горького Ю. С. Иоффе).

...И, все-таки, очень трудно быть на сцене правдивой, искренней.

Там, в темном зале, сидят те, от которых, в конечном счете, и зависит быть ей артисткой или не быть. Во время спектакля они молчат. Это молчание бывает разным: молчание соучастников — и тогда ей радостно; выжидательное (посмотрим, посмотрим!); равнодушное — самое страшное...

Каждый вечер она проверяет себя этим молчанием...

...Потом бывают аплодисменты. И бывает так, что, выходя на авансцену и улыбаясь темному залу вместе со своими партнерами по спектаклю, она понимает, что аплодируют не ей — она где-то сегодня переиграла, сфальшивила.

Она знает, если зритель видит игру — это плохо. Нужно играть так, чтобы никто и не подумал, что это игра. Парадокс. Наверное, все-таки «игра» не то слово.

«Чти отца своего», прямо скажем, посредственная пьеса.

Образ такого благородного рыцаря от науки Максима — худший вариант роммовского героя из «Десяти дней одного года». Она, Тамара, почему-то любит его. Да, не Лариса Алешина, а Тамара, теперь она — Тамара, ей дали эту роль. Что же в нем хорошего? Всех достоинств его зритель так и не узнает, но Тамара любит его, видит что-то такое, чего не видит

зритель. Любит давно... А он отчего-то медлит. Алешина — Тамара мучается, ревнует; она в конце концов чувствует себя женщиной, которой пренебрегают. Это обидно. От этого можно заплакать. И снова она верит в большую любовь Максима, и снова задает себе тысячи мучительных почему? Роль удалась... Алешина — Тамара требует права на счастье, не хочет верить в его невозможность, ведет себя так, как вели бы себя де-

вяносто из ста ее ровесниц. Роль удалась. Значит, артистка была искренней, зритель поверил ей.

Не каждый режиссер решится ставить Шекспира. И каким же нужно быть смелым, чтобы доверить исполнение главных ролей актерам не только не увенчанным звонкими титулами заслуженных, но и по возрасту в общем-то молодым людям. Павленко — Отелло нет и тридцати пяти, Алешиной — Эмилии — двадцати пяти.

Как найти ключ к известной только по книгам, кинокартинам и спектаклям героине — доброй, озорной, остроумной венецианке?

Конечно, Алешиной помогли и режиссер, и художник, и месяцы, проведенные в студии. Но вот актриса остается наедине со зрителем, и здесь ей уже никто не поможет.

Гениальный художник тем и гениален, что его творения близки и понятны людям любой эпохи. Нужно внимательно посмотреть вокруг, взять по крупницам у окружающих все те качества, которые органично сольются в образ молодой и красивой венецианки. Алешиной это удается. Образ получился живым, колоритным, правдивым и слишком... «шекспировским». Хотелось бы увидеть в Алешиной — Эмилии больше индивидуальности, больше Алешиной...

Большой удачей для Алешиной явился спектакль «В день свадьбы».

Алешиной — Нюрке симпатизируешь сразу. Кажется, еще немного, и станет жалко ее, любящую, искреннюю и добрую.

Жалко?! Но Нюрка не хочет жалости... Зачем?! Нюрка отнюдь не неудачница. Что бы ни было, но она прежде всего хочет быть и остается человеком. — Не надо жалости!

Алешина — Нюрка натура достаточно сильная. Любит она Михаила. Любит так, что и сказать нельзя. Но не хочет, не может сделать Михаила жертвой слова и ситуации. Пусть Михаил остается без нее, без Нюрки. Так, наверное, для него лучше. Нюрка не станет мешать никому. И это не от пассивности, не от слабости — от силы. И зритель растает с Нюркой в полной уверенности, что она не пропадет, что она будет счастлива. Такую веру в него вселяет артистка своей предельной искренностью, верностью жизненной правде.

Мы не будем останавливаться на всех ролях, сыгранных Алешиной в Оренбургском театре. Все они — маленькие и большие — ступеньки на трудном пути к мастерству. А он только начинается. Начинается хорошо и, не побоимся этого слова, талантливо.

Р. КОЗАЧКОВ.

